

## ГЛАВА VII.

## Спрашиваніе уроковъ и экзамены.

Въ Яснополянской школѣ преподавались также священная и русская исторія.

Учитель рассказываетъ, потомъ спрашиваетъ, и всѣ начинаютъ говорить вдругъ. Когда слишкомъ много голосовъ вмѣстѣ, учитель останавливаетъ, заставляя говорить одного; какъ только одинъ заминается, онъ снова вызываетъ другихъ. «Это не было выдуманно, а сдѣлалось само собою и повторяется при 5 и при 30 ученикахъ всегда одинаково успѣшно». Учитель не позволяетъ только разгораться крику до неистовства и лишь регулируетъ потокъ веселой оживленности и соревнованія настолько, насколько ему нужно.

Общій крикъ возмутилъ одного изъ новыхъ учителей; ему показалось жарко и тѣсно въ толпѣ лѣзущихъ ему на спину и къ самому рту учениковъ. Чтобы лучше понимать, дѣтямъ необходимо быть близко къ тому человѣку, который говоритъ, видѣть всякую переменную выраженія его лица, всякое его движеніе. И вотъ этотъ учитель ввелъ сидѣніе на лавкахъ и отвѣчаніе поодиночкѣ. Вызываемый молчалъ, мучился стыдомъ, а учитель, глядя въ сторону съ *милымъ* видомъ покорности своей судьбѣ или кроткой улыбкой, говорилъ: «ну... а потомъ?.. Хорошо, очень хорошо» и т. д.—столь извѣстный намъ всѣмъ учительскій приемъ.

Толстой опытомъ убѣдился въ томъ, что нѣтъ ничего вреднѣе для развитія ребенка такого рода одиночнаго спрашиванія и вытекающаго изъ него начальническаго отношенія учителя къ ученику. «Для меня нѣтъ ничего возмутительнѣе такого зрѣлища, — говоритъ Толстой. — Большой человѣкъ мучаетъ маленькаго, не имѣя на то никакого права. Учитель знаетъ, что ученикъ мучается, краснѣя и потѣя, стоя передъ нимъ; ему самому скучно и тяжело, но у него есть правило, по которому нужно приучать ученика говорить одного».